

А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. Советская экономика. Опыт пособия для самостоятельного изучения теоретических проблем переходного хозяйства. „Московский рабочий“, 1928 г., цена 55 коп.

Теоретические проблемы советского хозяйства давно уже стали в порядок дня. Новая экономическая политика, хозяйственная политика пролетарского государства имеет дело с совершенно новым типом производственных отношений, в которых на ряду с „последовательно социалистического“ типа отношениями мы имеем остатки старых производственных отношений. Но эти остатки деформируются и, все более втягиваясь в сферу влияния обобществленного пролетарского сектора, где господствуют производственные отношения „последовательно-социалистического типа“, отличаются от типа производственных отношений сходных „укладов“ в капиталистической системе. Этим объясняется сложность проблем советской экономики, которые не могут быть уложены целиком и полностью в рамки теоретической экономики, трактующей проблемы капиталистического хозяйства. Совершенно естественен интерес всех, имеющих в той или иной степени отношение к теории или практике советского хозяйства, к каждой новой статье по отдельным проблемам советской экономики и тем более к книге, дающей, насколько возможно в наших условиях, когда очень многое еще находится в „стадии становления“, систематическое освещение важнейших проблем советской экономики.

Рецензируемая книжка Леонтьева и Хмельницкой — „Советская экономика“ — не претендует на полный теоретический охват всех поставленных на очередь дня проблем советского хозяйства. Авторы хотят „оказать помощь“ всем занимающимся конкретными вопросами советской экономики посредством „сводки литературы по этим вопросам“ и „наметки и систематизации основных направлений теоретического анализа советской экономики“. С этой целью книжка разбита на 10 глав: 1) общая характеристика переходного хозяйства и метод его исследования; 2) проблема регулятора производства; 3) денежно-кредитная система; 4) отношения распределения; 5) восстановительный процесс и реконструкция; 6) накопление и расширенное воспроизводство; 7) индустриализация; 8) условия динамического равновесия; диспропорции и кризисы; 9) СССР и мировое хозяйство; 10) борьба тенденций и перспективы развития в переходном хозяйстве. В книжке все же поставлены все основные проблемы советской экономики, что является большой заслугой авторов. Необходимо отметить, что авторы недостаточно решительно определяют место предмета своего исследования. Поскольку советская форма хозяйственной деятельности уже не капитализм и еще не социализм, она требует своего самостоятельного теоретического исследования, так как мы имеем дело в переходный период с производственными отношениями нового типа. Авторы, конечно и признают и решительно подчеркивают специфические черты нового периода и новых производственных отношений, но в постановке некоторых проблем они не договаривают до конца. Многие до сих пор считают, что теория советской экономики все еще может быть представлена, как отрезок теории капиталистического хозяйства. Авторы, конечно, далеки от такой постановки, но отголосок

такого подхода замечается, когда они говорят, что „для познания переходного хозяйства вовсе не требуется создание новой теории“ (стр. 15). Этим может быть объясняется и то, что и о категориях советской экономики авторы говорят следующее: „После революции начинается постепенный процесс выцветания этих категорий, перерождения тех общественных отношений, отображением которых теоретико-экономические категории являются“ (стр. 14; речь идет о категориях теоретической экономики — М. Г.). И дальше: „теоретический анализ переходной экономики должен лишь дать картину постепенного выцветания и линяния прежних экономических законов, раскрытых Марксовой теоретической экономией, и их замены новым (социалистическим) типом общественных отношений, по своей прозрачности и вообще по своей природе не нуждающихся в теоретическом исследовании“ (стр. 15).

Казалось бы, раз между капитализмом и социализмом лежит переходный период, то речь не может идти только о выцветании и линянии категорий; также и модификация категорий теоретической экономики, изучающей товарно-капиталистические отношения, не дает еще ясного понимания того специфически нового, что лежит между капитализмом и социализмом. Эти категории, поскольку мы их употребляем, не только „выцветают“ и „линяют“, но постепенно наполняются новым содержанием, становятся все более полнокровными, если можно так выразиться, пока в категориях вообще не будет надобности, пока производственные отношения переходного периода не станут производственными отношениями чисто социалистического типа. Для большей ясности мы позволим себе прибегнуть к аналогии, как разворачиваются и приобретают полное капиталистическое содержание категории теоретической экономики. Правда, авторы указывают на то, что будущие „категории“ социалистического общества не требуют „теоретического исследования“. Но для переходного периода как раз и важно исследование процесса становления новых „категорий“, которые в будущем быть может и не потребуют специального изучения. Для примера возьмем категорию „прибавочной стоимости“. Эта категория не сразу получила то содержание, которое она имеет при промышленном капитализме. Производственные отношения торгового капитализма, когда капитал уже подчинил себе мелкое производство, также были антагонистичны, также имели в основе своей эксплуатацию. Тем не менее, для эпохи торгового капитала мы не можем в полной мере употребить категорию „прибавочной стоимости“ для характеристики производственных отношений между торговым капиталистом и кустарем или ремесленником. Мы употребляем эту категорию условно. Каждая категория теоретической экономики, трактуемая об антагонистических отношениях при капитализме, проделала различные фазы, прежде чем она получила то содержание, прежде чем она стала отображать тот тип производственных отношений, который данная категория характеризует.

Почему нельзя предположить, что раз социалистические производственные отношения имеют своим предшественником не только капиталистические, но и пререходного типа между капитализмом и социализмом производственные отношения, то и категории переходного периода не только „выцветают“, не только „линяют“, но и приобретают новое содержание, которое постепенно по мере роста социалистического сектора будет все более полным.

Своими недомолвками авторы не дают возможности завершить тот логический процесс, который необходим для совершенно ясного понимания новых проблем новой экономики. Мы не хотим этим сказать, что ясности у авторов нет, но к сожалению, она несколько завуалирована.

Уже в перечне проблем мы видели, что почти все проблемы советской экономики, стоящие уже на известном теоретическом базисе, освещаются в этой книжке. Трудно еще в настоящее время дать законченное теоретическое освещение всех этих проблем, поскольку каждый новый период роста социалистических элементов нашего хозяйства вливает все больше новой крови в новый организм, делает все более доступными теоретическому анализу новые производственные отношения. Поэтому книжка не может быть законченным теоретическим курсом. Тут еще многое исправит жизнь, многое исправит и теория. Но некоторые дефекты, которые уже бросаются в глаза, с точки зрения достигнутого уровня опыта, практики и теории, нуждаются в том, чтобы их здесь отметить. В главе „Отношения распределения“, когда речь идет о частном торговом капитале и прибыли частного торгового капитала, авторы слишком мало внимания уделяют проблеме нормы прибыли частного торгового капитала. Масса прибыли частного торгового капитала в СССР и абсолютно и относительно невелика, но норма прибыли его безусловно высока. Авторы правильно отмечают: „Размеры торговой прибыли в целом, регулируемые при капитализме средней нормой прибыли, в обобщенной торговле включены в рамки регулирования цен (курсив авторов — М. Г.). Частный торговый капитал в общем и целом вынужден приравниваться к этим средним пределам; однако, обстановка товарного голода по ряду продуктов, а также большая скорость оборотов частной торговли создает большие отклонения от этого предела“ (стр. 48). Нам кажется, что на больших отклонениях от нормы прибыли госпредприятий и нужно было бы на данной стадии анализа больше остановиться.

Такое же небольшое упущение мы имеем и в вопросе об аренде земли. Авторы пишут: „Поскольку сдача земли в аренду падает в основной массе на хозяйство бедняцкого типа, взаимоотношения между арендаторами и сдающими землю также не похожи на капиталистические арендные отношения“ (стр. 50). Это само по себе совершенно верно, но недостаточно. Ведь все-таки известная часть арендованной земли попадает кулаку и отношения аренды самым настоящим образом являются отношениями капиталистической аренды, поставленными правда в иные условия. Между тем, по приведенному отрывку может получиться впечатление, что у нас капиталистической аренды вообще нет.

Еще одно замечание необходимо сделать по вопросу о темпе накопления и расширенного воспроизводства. Авторы о темпе говорят следующее: „Не гоняясь за непосильной нормой накопления в течение первых лет, — ибо это привело бы к кризисам и потрясениям, — переходная экономика имеет возможность постепенного ускорения (курсив авторов — М. Г.) темпа развития, основанного на постоянном повышении нормы народнохозяйственного накопления“ (стр. 68). Из приведенного отрывка видно, что вопрос сводится к тому, что мы стремимся избежать кризиса и потрясений. Это, опять-таки, верно, но недостаточно. А то, что мы не живем за счет некапиталистических слоев, за счет колоний, грабежей и войн, этого совершенно нет. Авторы об этом не говорят. Указание на эти, казалось бы, элементарные общеизвестные признаки следовало привести для полноты и для правильности характеристики.

Дискуссия вокруг проблем советской экономики в последнее время снова оживилась. Как на страницах „Большевика“, так и в Комакадемии мы имели большую дискуссию по этим вопросам. Снова ставятся, выясняются и освещаются проблемы советской экономики. Это не только не умаляет, но усиливает значение книги, которая в чрезвычайно сжатой

и краткой форме, в виде тезисов дает постановку и объяснение важнейших проблем советской экономики. К хорошо систематизированному материалу приложен систематический указатель, ценность которого весьма велика. Недостаток этого указателя в том, что он не дан постранично. Несмотря на некоторые дефекты изложения — в некоторых местах чрезмерная сжатость и недостаточно полные формулировки, местами недоговоренность — книга является безусловно полезным пособием, дающим возможность всем заниматься проблемами советского хозяйства. Краткость изложения и формулировок, в отличие от других „курсов“, является в этом отношении также большим достоинством.

М. Гурвич

К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Материалы исследования НК РКК СССР под ред. Я. А. Яковлева. ГИЗ, 1928 г., стр. 450. Ц. 2 р.

Материалы исследования НК РКК появились на книжном рынке накануне XV партийного съезда. Они имеют целью дать ответ на серьезнейший вопрос нашего социалистического строительства: какие социально-экономические процессы развиваются в деревне, каковы дальнейшие пути ее развития, какова наша работа в деревне.

НК РКК произвел „ряд обследований в целях проверки выполнения партийной линии в деревне государственными, кооперативными и пр. органами, разработал 2.419 крестьянских бюджетов для исследования организации и техники крестьянского хозяйства, при участии Союза Союзов с.-х. кооперации обследовал 35 кооперативных гнезд (64.000 кратких подворок и 1.754 бюджета) для анализа процессов кооперирования. Кроме того, 40 местных органов ЦКК РКК обследовали отношения аренды и земельного найма рабочей силы в крестьянских хозяйствах,¹ наконец, разработаны данные рыночного опроса 26.460 хозяйств.

Сводкой результатов этих многочисленных работ большого коллектива и является рецензируемая книга. Это не просто собрание отдельных монографических описаний, а целостный труд, последовательно выдержанный в смысле единства общей линии и выводов во всех своих частях. Содержание „Материалов“ распадается на следующие главы: дифференциация деревни, организация и техника крестьянского хозяйства, сельскохозяйственная кооперация, советские хозяйства, внешняя торговля и сельское хозяйство, внутренняя торговля и сельское хозяйство.

Этим главам предпослана сжатая, яркая, весьма интересная статья Я. А. Яковлева — „К постановке вопроса о социалистическом переустройстве сельского хозяйства“, вводящая читателя в круг проблем, которые трактуются в книге.

В небольшой рецензии невозможно исчерпать все содержание „Материалов“, поэтому ограничимся краткими замечаниями.

Процессы дифференциации деревни изучаются по массовым данным, по признакам экономической мощности групп крестьянства. Авторы правильно отмечают, что такие данности не отражают классовых групп и могут рассматриваться как материалы, „иллюстрирующие лишь тенденцию эволюции“ (стр. 10) деревни.

¹ Более подробно результаты данного исследования наемного труда в крестьянских хозяйствах опубликованы в вышедшей недавно книге П. П. Плешкова „Наемный труд в крестьянском хозяйстве СССР“. Под редакцией и с предисловием Я. А. Яковлева. ГИЗ, М. 1928 г.

Общая картина дифференциации, данная в сборнике, сопровождается анализом элементов, „по руслу которых развиваются важнейшие социальные связи и зависимости между хозяйствами различных групп“, как-то: аренда земли, наем скота и инвентаря, отпуск и наем рабочей силы.

Выводы исследования сводятся к следующему. В результате аграрной революции произошла нивелировка деревни, исчезли крайние группы, середняк стал „центральной фигурой земледелия“ т. е. мы имели процесс, обратный дифференциации, когда „разложение крестьянства, развивая за счет среднего „крестьянства“ его крайние группы, создает два новых типа сельского населения“.¹

С переходом к нэпу процесс дифференциации возобновился, но он имеет принципиально иной характер, ему присущи неизвестные ранее особенности — „консолидация середины в противоположность ее размытию в условиях капитализма“. Средняк остался центральной фигурой земледелия, он „концентрирует наибольшее количество и средств производства, и продукции, и товарной массы и т. п.“.

Этот социальный облик деревни определяет основные черты дальнейших наших задач в деревне. Первая задача — это обеспечить развитие бедняцко-середняцкой массы деревни, ограничив капиталистические элементы последней. XV съезд партии призвал страну к форсированному наступлению на кулака.

Задача эта может быть разрешена путем соответствующей налоговой политики, более точно выявляя и облагая доход кулачества, путем землеустроительных работ, кредитования бедняцко-середняцкого крестьянства, пресекая ростовщичество, регулирования отношений аренды — найма земли, скота и инвентаря, найма рабочей силы и т. п.

Категорически должны быть устранены те извращения партийной линии в этих вопросах, которые наблюдаются на местах: несоблюдение „временных правил“, регулирующих наем рабочей силы (даже точно не определены местами те группы крестьянства, которые могут пользоваться рабочей силой на основании „временных правил“, а не „Кодекса законов о труде“), недостаточная организованность бедноты, нанимающей скот и инвентарь, для борьбы со спекулятивными тенденциями кулачества, недостаточно решительные меры к пресечению доступа кулачества в сельскохозяйственную кооперацию.

Труднейшая и основная проблема предстоящего периода — это коренная социалистическая перестройка деревни на базе подъема производительных сил сельского хозяйства.

Что из себя представляет подавляющее большинство нашей деревни — бедняцкие и середняцкие хозяйства?

Материалы дают детальный анализ техники и организации крестьянского хозяйства по бюджетам, собранным ЦСУ в 1925 г. В разработку вошли хозяйства 18 различных районов. Все хозяйства разбиты на семь групп по годовой валовой продукции таким образом: I группа — с продукцией до 200 руб., II — от 201 до 400 руб., III — от 401 до 600 руб., IV — от 601 до 800 руб., V — от 801 до 1.000 руб., VI — от 1.001 до до 1.400 руб. и VII — свыше 1.400 руб.

Эти группы затем разбиты на три подгруппы по удельному весу в продукции интенсивных культур, для выявления влияния последних на организацию хозяйства в одних и тех же группах. Анализ идет по двум направлениям: выявление закономерностей от низших групп к высшим и организационно-техническая характеристика бедняка и середняка, как основного ядра деревни.

¹ В. И. Ленин. „Развитие капитализма в России“, т. III, стр. 132.

Из 25 миллионов крестьянских хозяйств не менее $\frac{4}{5}$ составляют хозяйства мелкие и мельчайшие. Не говоря уже о бедноте, наше средняцкое хозяйство в подавляющей массе также мелкое.

Материалы рисуют яркую картину прозябания мелкого хозяйства. Оно не землеустроено (в Самарской губ. из 329 селений только 12% имеют землю на расстоянии до 3 верст, на Урале 36% селений имеют землю дальше 10 верст), имеет ничтожные по размеру полоски, которые нельзя правильно обработать, да и обработка обходится дорого, имеет плохо организованные средства производства и не может их рационально использовать; хозяйство односторонне, земля обрабатывается плохо. Поэтому, при больших затратах труда, в мелких хозяйствах низка его производительность и невероятно низок уровень благосостояния. Даже средние хозяйства дают на душу в год 35—40—50 руб., реже 60—80 и совсем редко 80 руб. «В этом низком уровне кроется и диспропорция уровней города и деревни и, в значительной своей части, проблема аграрного перенаселения» (стр. 103).

В двух последних главах, посвященных анализу рыночных отношений сельского хозяйства, с достаточной полнотой вскрыта происходящая в основном от указанной выше структуры сельского хозяйства слабость его рыночных связей, что затрудняет связь деревни с городом и задерживает его ведущее влияние на деревенскую экономику. Все это, конечно, не является новостью. Но,—справедливо задают вопрос авторы «Материалов» — «продумана ли каждым до конца и усвоена ли основная мысль... что так жить дальше нельзя?». «Это необходимо поставить в центр общественного внимания партии, ибо признание этого и есть начало понимания в полном объеме тех задач реконструкции сельского хозяйства, которые встали сейчас перед нами во всю ширь своих нерешенных вопросов» (стр. 154).

Каковы же пути этой технической и социальной реконструкции сельского хозяйства? Теоретически говоря, мыслимы три пути развития крестьянского хозяйства. Путь капиталистический — путь создания мощного слоя кулаков, которые бы сконцентрировали в своих руках командные высоты деревни. Но этот путь мыслим только в результате победы контр-революции, при диктатуре пролетариата он заказан.

Второй путь — сохранение мелкого и мельчайшего хозяйства. Но это «перспектива продолжающейся растраты человеческого труда и средств в дорогих, нелепо организованных, некультурных и антикультурных мелких и мельчайших хозяйствах. Это перспектива крестьянской ограниченности...» (стр. XXVII).

Остается единственно правильный путь кооперативной переделки крестьянского хозяйства. Этим путем «мы решим задачу дать крестьянскому хозяйству — мелкому и мельчайшему — основные преимущества крупного хозяйства без разорения, без его превращения в навоз для кулацкого роста» (стр. XXVIII).

В связи с этим «Материалы» дают обстоятельный разбор имеющегося опыта кооперативной работы, посвящая этому специальную главу.

Сельскохозяйственная кооперация на 90 с лишком процентов — кооперация бедняцко-средняцкая. В ее деятельности имеется целый ряд существенных недостатков. Так, велика масса диких кооперативов, не входящих в систему — 90% простейших производственных объединений, 60% колхозов, что свидетельствует о том, что «движение широких крестьянских масс к производственному кооперированию развивалось больше как чисто стихийное движение, не всегда встречавшее должное руководство со стороны руководящих кооперативных организаций»

(стр. 290). Этот момент чрезвычайно важен, так как объединение кооперации в целостную систему означает ее органическую связь с государственным хозяйством, как ведущим началом. А это — необходимая предпосылка социалистичности ее работы. Недостатками кооперации являются: замедление темпа кооперирования, обслуженность верхних слоев деревни, несоответствующая их удельному весу (в особенности в кредите), некооперативные формы связи с членами, высокая стоимость кооперативных услуг, которую авторы книги называют «основной болезнью системы, препятствующей действительному объединению действительных масс населения» (стр. 263), хозяйственно-финансовая слабость, благодаря чему кооперация «в настоящее время не является еще достаточно мощной гарантией и фактором, противодействующим эксплуататорским тенденциям верхней группы кооперированных хозяйств» (стр. 211).

Все же это не дает права закрывать глаза на ту положительную работу, которая развернута кооперацией. «Материалы» сравнивают эволюцию кооперированных и некооперированных крестьянских хозяйств и устанавливают, что кооперация бедняку и середняку, уже на данной ступени своего развития, дает возможность экономически подняться, построить свое хозяйство более прогрессивно. Так, за 4 года безлошадники некооперированные увеличили посевную площадь на 100%, а кооперированные на 200%. Кооперированные хозяйства во всех группах отличаются более рациональным строением средств производства, технические культуры в них занимают большее место, доходность хозяйства выше, при чем повышение идет главным образом за счет с.-х. производства, кооперированные хоз-ва не закабаляются ростовщиком — из 1.264 обследованных хозяйств, пользовавшихся кредитом с 1/X—1924 г. по 1/VII—1926 г., кооперированные из общей массы кредита от ростовщика получили 7,3%, а некооперированные — 47,1%.

Эти данные убеждают в правильности и реальности кооперативного плана переустройства деревни. Но для этого теперь в кооперативной работе должен быть сделан сдвиг в смысле перенесения центра тяжести работы на производственное кооперирование.

Факт громадного количества диких производственных объединений показывает, что «сельскохозяйственная кооперация, занятая великими миллионами сбыта, немного по-барски, свысока отнеслась к делу развития простейших производственных объединений». Развивая быто-снабженческую работу, укрепляя кооперацию по этой линии, надо «признать, что сейчас наступил момент, когда в строительстве с.-х. кооперации необходимо сделать решительный поворот в сторону производственного кооперирования деревни» (стр. 307).

Задача технической и социальной реконструкции сельского хозяйства может быть решена лишь в связи с общим курсом партии на индустриализацию страны. «Ведущее начало индустрии проявляется в свете реконструкции сельского хозяйства с особой силой» (стр. 154). «Прямой рост кооперации производственного типа есть в огромной мере функция роста государственной промышленности» (стр. XLIII). Правильная политика цен, снабжение деревни необходимыми средствами потребления, развитие сельскохозяйственной индустрии, подготовка промышленностью базы электрификации сельского хозяйства, машиноснабжение деревни и т. п. — необходимые предпосылки реализации Ленинского кооперативного плана.

Такое в общих чертах содержание «Материалов исследования НК РКИ».

В заключение пару слов о технической стороне издания книги. Издана книга хорошо, жаль только, что сравнительно высокая цена

(2 рубля) задержит ее широкое распространение, которого она несомненно заслуживает. Видимо, вследствие спешности издания, неряшливо составлены некоторые таблицы: не оговаривается в некоторых местах охватываемый данными круг, не указан период, к которому они относятся, не указаны единицы счета, вследствие чего, напр., по таблице на стр. 174 выходит, что в 35.010 кооперативах 34.153 члена; некоторые таблицы недостаточно проверены и т. д.

К небрежности издателя надо отнести местами неудовлетворительную верстку — напр., таблицы на стр. 290.

Но эти мелкие погрешности, конечно, ни в какой степени не уменьшают достоинств книги, которая прочтется читателем с большим интересом.

Ал. Попов

Влияние налогов на народное хозяйство Союза ССР. Часть I — Акцизы. Сборник статей под ред. проф. П. П. Гензеля. Финансовое издательство НКФ СССР. М. 1928 г. Тираж 2.000 экз., стр. 356.

В области бюджетных проблем, и прежде всего в части налоговой, накоплен за последние 7 лет обширный материал и богатый опыт. Особенный интерес в условиях экономики СССР представляет не узко фискальное освещение вопроса, не налоговая система „в себе“, но тема более широкая, охватывающая связь налогового бремени с общим экономическим развитием страны. Эту задачу и ставит перед собой рецензируемая книга, посвященная крупнейшему разделу налоговой номенклатуры бюджета — акцизам. Изучение экономического влияния акцизов представляет более благодарную задачу, чем анализ прямого обложения: здесь сравнительно узкий круг облагаемых объектов, большей частью высокие ставки, хорошо разработанный, хотя бы в чисто налоговой сфере, цифровой материал; помогает осознательность самого налогового объекта и т. д. Все это позволяет достаточно удобно для целей исследования локализовать внимание „как во времени, так и в пространстве“, при чем сравнительно глубоко прощупывается налоговая травма. Поэтому к оценке роли акцизов могут быть предъявлены повышенные требования.

В рецензируемой работе интересна вводная статья проф. Гензеля, который заостряет внимание на основных моментах нашей акцизной политики на фоне выдвигаемой им определенной теоретической концепции; насыщены конкретным материалом отдельные очерки, посвященные 10 главным акцизам. Большинство авторов отлично владеет материалом, отчетливо ставит задачи акцизной политики, подлежащие разрешению, и демонстрирует много численными цифровыми колонками зависимость акцизного дохода от промышленной продукции соответствующих отраслей. Довольно хорошо разработан вопрос о роли акциза в ценообразовании, об акцизном доходе и финансовом положении промышленности (к сожалению, не всегда достаточно полно), о влиянии льготного срока. Рельефны сопоставления с довоенными условиями (того же нельзя сказать об иностранной практике). Общими недочетами книги являются: 1) перегруженность большинства статей описательным материалом в ущерб экономическому анализу; 2) недостаточное внимание к вопросу о тяжести обложения для основных социальных групп населения и сдвигах в потреблении подакцизных продуктов под влиянием изменения цен и акциза; 3) отсутствие хотя бы попытки поставить акцизную проблему в разрезе районов, что по условиям материала не может уже быть признано совершенно безнадежным; 4) некоторая устарелость части материала (здесь возможна вина не составителей, а издательства) и пристрастие некоторых авторов к газетным и журнальным статьям для извлечения статистических

данных; некоторое пренебрежение отчетными материалами повлекло за собой известные цифровые неточности.

Вводная статья, принадлежащая перу проф. Гензеля, идет под заголовком „Акцизы и акцизная политика СССР“. Констатируя быстрое развитие акцизного дохода в связи с энергичным ростом продукции и потребления, обогнавших по ряду важнейших подакцизных товаров довоенные нормы (нефтепродукты, соль, галоши, папиросы и т. д.), автор справедливо подчеркивает неизбежность в наших условиях быстрого роста акцизного дохода и в дальнейшем, поскольку вытеснение частного хозяйственного сектора ослабляет возможности и выгоды прямого обложения. Эта верная в общем мысль уже нашла свое выражение и в пятилетке Госплана СССР. Спорным представляется утверждение автора, что как налоговые, так и неналоговые изъятия из госсектора должны „совершаться за счет сокращения потребления населения и соответствующего уровня цен“. Поскольку значительная доля указанных изъятий (подходный налог, отчисления от прибылей) не может быть обычно переложена в обстановке лимитных цен и к тому же служит лишь для перераспределения между отраслями промышленности, не будучи просто бюджетным изъятием — выдвинутое проф. Гензелем положение вряд ли будет иметь место. Далее, проф. Гензель резко подчеркивает относительность градации предметов потребления на продукты первой и второстепенной необходимости, при чем рекомендует отказаться от усиленного обложения последних, ибо это приводит к неравномерности обложения (например, переобременены курильщики). Если бы можно было исходить из того положения, что форсирование ставок и, следовательно, цен не влияет на размеры потребления и не может затормозить потребление вредного продукта, то тезис автора был бы безупречен. Поскольку, однако, это не так и одновременно приходится считаться, — как ни относительно наши суждения, — с безусловным вредом, приносимым водкой в наших условиях невысокого культурного уровня широких кругов населения с чувствительным уроном делу здравоохранения со стороны табака (последние медицинские исследования, как-будто, еще более категорически подтверждают это положение) — то естественно встает вопрос об использовании акциза как фактора, тормозящего нежелательное потребление. При этом социальная опасность алкоголизма побуждает в отношении водки выдвигать на первый план политику торможения потребления (не возрождая, однако, самогона и способствуя некоторым снижением цены на водку его дальнейшему вытеснению) и лишь во вторую очередь учитывать интересы фиска; для табака на первом плане нам представляется возможным считаться с бюджетным доходом.

Лишь в меру создания предпосылок (культурных и экономических) для ослабления алкоголизма в городе и в интересах борьбы с деревенским самогоном возможно идти по пути снижения цен на хлебное вино. Во всяком случае одним из принципов акцизной политики вполне закономерно считать противодействие потреблению вредных (в условиях данного времени и места) продуктов.

Указывая на неуязвимость акцизов с точки зрения политики снижения цен, проф. Гензель отмечает нежелательность в условиях товарного дефицита снижения акцизов, что может пойти лишь на пользу перекупщикам. Своевременно поднят вопрос о необходимости согласовать акцизное обложение с улавливанием. Вновь поставлена достаточно злободневная тема о дифференцированной цене на водку. С чем никак нельзя согласиться, это с предложением ликвидировать акцизную систему и заменить ее „откупом“, как выражается автор, полагая, что этим путем промышленность избавится от излишней отчетности по акцизу и получит

добавочный стимул к расширению продукции. Здесь недооцениваются, на наш взгляд, два момента — во-первых, крупное организационное значение хозрасчетного принципа, и во-вторых, давление налоговой политики на структуру цены. Если исходить из предпосылки общего государственного кармана и признать бесплодную дифференциацию ставок в зависимости от ассортимента облагаемого товара (а это имеет вполне реальное значение и вынуждает промышленность к соответствующему приспособлению цен: регулирующие органы также учитывают данную акцизную ставку), то позиция проф. Гензеля может быть признана достаточно сильной. Но и в этом случае указанное предложение не может быть принято, ибо оно несет вполне осязательную угрозу бюджету. Уже опыт централизованного обложения сахара показал, что строить расчеты с трестами на планах реализации по меньшей мере рискованно; бюджет может недосчитаться в нужные сроки крупных сумм, а данная отрасль промышленности получит в руки на значительный период случайные, шальные деньги. С другой стороны, в случае недореализации против плана трест, конечно, не сможет уплатить „откупную“ сумму. Отказ от акцизов является пока преждевременным, и ничего, кроме дезорганизации, переход к „планам реализации“ не принесет. Столь же опасен отказ от акцизного надзора; последний обходится казне недорого и окупает себя той организованностью, которая вносится во взаимоотношения трестов и фиска. При отсутствии в нашей экономической организации автоматических регуляторов движения капиталов и при мощной инерции, развиваемой в своем поступательном движении каждым предприятием, бюджет как основной перераспределитель капиталов должен располагать надежными источниками привлечения средств. Поэтому различные формы налогового контроля (в частности наиболее дешевого — акцизного) должны пока сохранить свое значение.¹

Несколько односторонен тот тезис автора, который гласит, что роль акциза в цене не существенна, и тяжесть обложения может быть измерена лишь отношением суммы данного акциза, которую вносят различные категории плательщиков, к их доходу. Прежде всего одинаковый процент изъятия из дохода при значительной разнице в уровне последнего, как отмечает сам проф. Гензель, не является показательным; значительно меньшая доля изъятия из меньшего дохода может явиться более тягостной. Удовлетворительным же методом соразмерения этих тягот мы пока не располагаем. Во-вторых, высокая ставка акциза подымающая в свою очередь цену, может значительно сжать потребление и уменьшить отношение акциза к доходу плательщика; однако, это еще не будет означать, что высокий акциз легче переносится плательщиком, чем низкий. Если для комплекса налогов наиболее приемлемым путем выяснения их обременительности может служить именно отношение налоговых платежей к доходу, то для отдельного акциза подчас его роль в цене окажется более верным показателем обременительности установленных ставок. Кроме того, изучение влияния акциза на цену, а через последнюю на размеры спроса, условия производства, покупательную способность рубля и т. д. имеет самостоятельную ценность помимо проблемы тяжести обложения, и поэтому приговор проф. Гензеля — „соотношение себестоимости продукта и высоты акциза говорит вообще очень мало“ — пожалуй, слишком суров.

Относительное недообложение деревни, о котором пишет проф. Гензель, в части косвенных налогов представляется нам в ближайшие

¹ Возражения т. Гордина против реорганизации налоговой системы под углом зрения единства интересов социалистического сектора редакцией не разделяются. Ред.

годы неизбежным, ибо деревня в силу примитивности своих требований к промышленной продукции, располагая к тому же возможностью заменить ряд облагаемых продуктов изделиями собственного производства, обладает гораздо большими возможностями уклониться от косвенного обложения, чем город. Поэтому, а также в силу специфической социальной значимости дифференциации доходов крестьянства, роль прямого обложения здесь оказывается доминирующей.

Наконец, необходимо остановиться на перспективах, намечаемых проф. Гензелем на предстоящее пятилетие. В общем и целом автор полагает возможным исходить из стабильности ставок и ставит рост дохода в зависимость от роста потребления подакцизных продуктов. Однако, тут же отмечается, что развитие акцизного дохода следует проектировать лишь в уровне с ростом населения. Нам представляется, что подобная проектировка оказалась бы преуменьшенной, в особенности если стать на позицию автора в отношении понижения цены водки, что значительно расширит ее потребление и поднимет соответствующую доходную статью (несмотря на снижение ставок). Полагая, что снижение ставок будет компенсироваться дополнительным расширением потребления в ближайшие годы, следовало бы связать судьбу акцизного дохода не только с динамикой населения, но и с повышением благосостояния народных масс, а также намечаемым ростом промышленной продукции и импорта (чай). Поскольку проф. Гензель в начале статьи отмечает неизбежность падения темпа роста прямых налогов и „увеличение роли косвенного обложения“, проектировка всего налогового дохода, согласно наметке автора, должна была бы исходить из роста около 2% в год, что вряд ли может быть признано достаточным (за 25 довоенных лет средне-годовой прирост — 5,1%).

Статья П. М. Лебедева — „Акциз со спирта“ дает весьма обстоятельное изложение развития соответствующего налогового законодательства, винокурной промышленности и потребления водки, как в дореволюционной России, так и за последние годы; приведен богатый калькуляционный материал. Показана роль водочного дохода в бюджете и связь этого дохода как с акцизной политикой, так и с развитием потребления. Слабым местом статьи является недостаточно глубокий анализ влияния водочного акциза на общую народнохозяйственную конъюнктуру (доход по прочим бюджетным источникам, покупательную способность и денежное обращение, производительность труда и т. д.). Отсутствует серьезная попытка выяснить экономические и социальные результаты запрещения водки в 1914 году.

Акцизу с пива посвящена статья А. В. Левицкого, который тщательно анализирует вопросы техники обложения (вплоть до рассмотрения технологических процессов). Недостаточно освещена зависимость между ростом потребления пива и водки.

П. В. Микеладзе написал очерк об акцизе с соли. Автор учел, что с отменой соляного акциза вопросы узко фискальные не могут представлять интереса, и потому сосредоточил все внимание на оценке экономического положения соляной промышленности, роли акциза в цене и результатах отмены акциза. Недооцениваются, на наш взгляд, автором положительные стороны ликвидации соляного акциза, как в части снижения цен, так и в отношении характера тех потребностей, которые удовлетворяет деревня, приобретая соль (засолка впрок, при кормежке скота и т. д.).

Статья Н. А. Падейского, посвященная акцизу с сахара, является достаточно полным обзором сложившихся взаимоотношений фиска и промышленности, динамики цен и потребления. Автор приходит к выводу

о нежелательности снижения акциза в ближайшие годы, ибо возросший спрос трудно будет удовлетворить.

Основано на полнейшем недоразумении следующее положение автора: „Значительное расхождение между валовой и товарной продукцией, свидетельствующее о том, что реализуется далеко не весь вработанный сахар, естественно выдвигает вопрос о рынках и возможностях сбыта сахара“. Указываемое расхождение (табл. на стр. 128) говорит лишь об увеличении роли рафинадного производства, которое дублируется при учете валовой продукции, но не о недостатке рынка сбыта; рынок достаточен — был бы лишь сахар.

Недостаточно обосновано утверждение, что при довоенном росте потребления в $5,9\%$ за год, у нас этот рост будет равен $2-3\%$. Подобный тезис не выдерживает никакой критики.

Так же, как и предыдущий очерк касательно соли, весьма содержательна статья П. Микеладзе об акцизе на чай. Недостаточно освещен лишь вопрос о потреблении чая для отдельных социальных групп населения и, в частности, влияние на спрос колебаний в цене. Слабо, с нашей точки зрения, оттенена необходимость форсирования потребления чая, который должен помочь борьбе с алкоголизмом и дать крупный фискальный эффект, а в то же время до сих пор уютится на задворках. Интересно было бы осветить вопрос о влиянии дифференцированных акцизных ставок на „формальный“ и „фактический“ ассортимент. Статья И. А. Грузмана приводит материал хорошо систематизированный и достаточно полный для оценки роли табачного акциза у нас и на Западе.

Любопытный факт констатирует автор статьи об акцизе с махорки — Я. Г. Колосов, отмечая, что после повышения $1/IV$ 1926 г. акцизной ставки, разница в наклейке кооперативной и частной торговли упала с 10% до 3% .

В статье Л. Аллавердова об акцизе со спичек очень сильно чувствуется гипноз довоенных норм. Если потребление табачных изделий пойдет и дальше вверх, несомненно дальнейшее расширение потребления спичек. Сама статья достаточно обстоятельна, затронуты вопросы калькуляции, динамики цен и потребления.

Обширная статья проф. Н. Г. Петухова и И. М. Михеева об акцизе в текстильной промышленности особенно подробно и интересно освещает вопрос о разных вариантах обложения текстильных изделий, о роли акциза в цене (в частности, показано переобложение льняных и полушерстяных камвольных тканей) и льготном сроке, при чем оттеняется завязывание (не в пример прочим акцизам) средств промышленности в акцизных платежах. Ненормальность последнего обстоятельства сглаживается, правда, незначительностью самого акциза. Несколько перегружена статья изложением конъюнктурных моментов текстильного рынка, при чем влияние колебаний цен (следовательно и роль акциза) охарактеризовано недостаточно выпукло. Опущен, к сожалению, вопрос довоенного производства и потребления в его сопоставлении с современным положением вещей.

Весьма любопытные выкладки, разносторонне освещающие вопрос, находим в статье М. Т. Герб об акцизе на нефтепродукты.

Следовало бы больше внимания уделить экспортным премиям, которые для данной темы более существенны, чем, например, вопрос о том, куда вывозится нефть.

Работа ценная с точки зрения фактического материала, но она изобилует большим количеством спорных положений.

А. Гордин

Кир. Черевко. Сезонные железнодорожные тарифы. Седьмой выпуск трудов Экономического бюро НКПС, Москва, Транспечать, 1928 г.

В новой организационной схеме ведомства путей сообщения „Экономическое бюро“ не нашло себе места и, таким образом, рассматриваемый выпуск трудов бюро, повидимому, является последним.

Выпущенный в последнее время ряд трудов бюро, в том числе рецензируемый, затрагивает самые жизненные вопросы железнодорожной экономики.

Работа Кир. Черевко ограничивается обследованием условий применения сезонных тарифов к топливным грузам.

Работа распадается на следующие разделы: методология изучения вопроса о сезонных железнодорожных тарифах с точки зрения их народнохозяйственной целесообразности; история вопроса о сезонных тарифах на каменный уголь и дрова; сезонность в железнодорожных перевозках топливных грузов; анализ условий, определяющих сезонность перевозки по железным дорогам дров, каменного угля и нефти, и финансово-экономическое обоснование сезонных тарифов на каменный уголь; вопрос о сезонных тарифах на топливные грузы в современной железнодорожной тарифной практике СССР.

Кир. Черевко приходит к выводу о целесообразности установления „на перевозки каменноугольных грузов по железным дорогам, вместо действующей ныне общей схемы и исключительных тарифов во внутренних сообщениях“, сезонных тарифов, различающихся по размеру своих ставок в разные периоды года: с апреля по июль или август — пониженных, и с августа или сентября по март — повышенных; при чем дается (обосновывается) и самый размер изменения провозных плат: 15% для снижения и 10% для повышения.

В основу своих предложений Кир. Черевко положил ряд таблиц о количестве перевезенных топливных грузов, сделанных ими пудоверстах и пр., и произвел много подсчетов, доказывающих правильность выдвигаемых им предложений. Но крупным недостатком всех этих исчислений является то, что они базируются на данных о перевозках дров и каменного угля за 1923/24 и 1924/25 гг., когда, вследствие еще не полной налаженности хозяйства страны, перевозки по железным дорогам протекали действительно чрезвычайно неравномерно. По данным Кир. Черевко (в переводе на тонны), за 1924 г. по сети было перевезено 7,83 млн. тонн коммерческих грузов угля, или в среднем 0,65 млн. тонн в месяц, что при равномерности погрузки дает в течение 5 месяцев 3,26 млн. тонн. Между тем, за пять осенних и зимних месяцев было фактически перевезено 4,2 млн. тонн, т.-е. на 9,4 млн. тонн больше, чем было бы перевезено, если бы коммерческие перевозки каменного угля распределялись равномерно на протяжении всего года. Эти 9,4 млн. тонн и являются отправным пунктом для суждений Кир. Черевко. Между тем, данные за последующие годы не дают уже такой большой разницы между летними и зимними отправлениями каменного угля по нашей сети. Если анализировать позднейшие данные по методу Кир. Черевко, то мы получим, что в 1926 г. превышение зимних перевозок над летними составило всего только 763 тыс. тонн, а в 1927 г. и того меньше — 378 тыс. тонн. Для большей наглядности выразим приведенные данные в процентах, и тогда получается: в 1924 г. подлежащее „срезу“ количество угля достигало 12,0 всей перевозки; в 1926 г. оно падает до 3,4; а в 1927 г. оно составляет всего лишь 1,4 от общего перевезенного по сети количества каменного угля. Само собою разумеется, что данные о перевозках за указанные нами годы должны иметь большее значение, как относящиеся к уже

нормальному ходу каменноугольного хозяйства в СССР, тогда как в 1924 г. это хозяйство еще только налаживалось.

Большое сомнение вызывает принятый Кир. Черевко для исчисления ущерба получателей каменного угля, вследствие его дополнительного хранения, размер процента потери на капитале — всего 3% от затрат на приобретение, перевозку по железным дорогам, разгрузку, хранение и пр. Не следует забывать, что донецкий каменный уголь подвержен самовозгоранию и посему требует при долговременном хранении особых приспособлений: прокладки вытяжных труб и т. п. Но самое главное, совершенно, повидимому, не учтенное Кир. Черевко, это потеря теплопроводности донецкого каменного угля при хранении на складах, достигающая, по исчислениям некоторых авторов (инж. Белов), 20% в течение четырех месяцев. Эта поправка должна сильно изменить расчеты Кир. Черевко.

Но дело не в допущенных автором разбираемого труда погрешностях, зависевших в значительной мере от недостатка в пору разработки вопроса необходимых статистических данных. Заслуживающим специального обсуждения является развиваемое автором положение необходимости при установлении железнодорожных тарифов считаться с коммерческим расчетом грузополучателей, чего, к сожалению, доселе не могут усвоить некоторые работники НКПС, полагающие достаточным, как это сделано, например, Н. К. Мекком¹, предложение к угольной промышленности требования перевозить в течение четырех месяцев (апрель — июль) по крайней мере половины всей годовой потребности этого топлива. Кир. Черевко добивается взаимно выгодного для железных дорог и их клиентуры разрешения вопроса, и в этом его главная заслуга, не говоря уже о массе произведенных им подсчетов и исчерпывающем изложении истории вопроса и его современного положения.

Н. В. Ивановский

Werner Sombart. Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus (I u. II Halbbände des III Bandes „Der Moderne Kapitalismus“). München u. Leipzig, 1927.

В. Зомбарт. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма. I и II полутомы III тома „Современного капитализма“. Мюнхен и Лейпциг, 1927.

Появление в свет последнего тома заново проработанного труда Зомбарта является несомненно одним из крупнейших событий в экономической литературе. Интерес представляет как сам автор книги — его позиция в отношении основных проблем современной эпохи, которые образуют главное содержание работы, так и содержание книги безотносительно к автору, по богатству собранного материала, по меткости наблюдений, по тонкости и художественности отделки частей, — качества, издавна выделяющие Зомбарта из ряда экономистов, как мировую величину.

В отличие от первых двух томов своего труда, где Зомбарт выступает, главным образом, как историк и археолог, производящий раскопки экономической истории Европы, третий том носит на себе яркую печать современности. Здесь Зомбарт выступает, главным образом, как теоретик, социолог и даже публицист, берущийся за разрешение самых злободневных и острых вопросов нашей эпохи.

Зомбарт неоднократно афишировал свою близость к Марксу. Несмотря на то, что с началом войны он выступил, как открытый враг марксизма и социализма и в своей работе „Der proletarische Socialismus“ обрушил на социалистов целые потоки злобы, клеветы и инсинуаций, он продолжает и в своей последней книге заявлять о себе, как о последователе и ученике Маркса. Больше того, он считает свой „Современный капитализм“ продолжением и завершением Марксовского труда. Тем не менее, подвергая проверке важнейшие законы капиталистического хозяйства, сформулированные в „Капитале“, Зомбарт не соглашается ни с одним из них: к каждому Марксовскому положению он вводит поправки, больше частью из числа тех, которые уничтожают смысл самого положения. Так, он последовательно отрицает Марксовский закон концентрации, закон возрастания противоречий и обострения кризисов, теорию катастроф, закон обнищания и т. д. Зомбарт — решительный противник революции и „скачков“, которых, по его мнению, в хозяйственной жизни вообще не бывает. Как видим, своеобразный ученик и последователь.

В каком смысле следует все-таки понимать утверждения Зомбарта? Прежде всего в том, что Зомбарт, подобно Марксу, отчетливо сознает своеобразие капиталистической системы хозяйства. Зомбарт признает, что экономические законы капиталистической эпохи исторически ограничены рамками капитализма. Подход к экономическим явлениям с точки зрения их развития и изменения — другая черта Зомбарта, сближающая его с Марксом. На этом пути он даже позволяет себе довольно часто кокетничать с диалектикой. Так, например, анализируя капиталистические противоречия, он приходит к выводу, что капитализм при помощи кредитной системы „демократизируется“ в двух смыслах: с одной стороны, крупные капиталы складываются через аппарат кредита из массы мелких сбережений и накоплений, которые образуют основу современной акционерной формы предприятий (captain of industry) все в большей степени являются выходцы из низших классов, выбившиеся в люди, лица без собственных капиталов, но с капиталистической инициативой, которая ставит себе на службу весь могущественный аппарат общественного кредита. Но наряду с этой демократизацией и на ее основе совершается другой процесс — аристократизации и бюрократизации хозяйства, ибо прогрессирующая централизация экономического могущества в руках немногих объединений ведет к тому, что 300—400 магнатов управляют всей экономикой человечества.

Подобная же эволюция происходит и в области движения конъюнктуры. В периодической смене подъемов и кризисов Зомбарт видит не большое место, а наоборот, сильную сторону классического капитализма. В периоды подъема вперед выдвигаются типы дельцов с широким коммерческим кругозором, с большой и смелой предприимчивостью, капиталисты с „взором, устремленным в будущее“ (Zukunftsaugen). Они вызывают порывистое движение вперед всей хозяйственной машины. В годы кризисов, наоборот, на первый план выступают капиталисты-рационализаторы и организаторы, сосредоточивающие внимание на кропотливых технических улучшениях производства, устраняющих недостатки механизма. Вопросы качества уступают место вопросам качества, предпринимательский размах заменяется изобретательностью, тренировкой, умением приспособляться к обстановке и т. д.

Капитализм, однако, эволюционирует в сторону все большей стабилизации конъюнктуры, чему содействует ряд самых разнообразных факторов: рационализация кредита и рынка, монополизация хозяйства в руках

¹ „Плановое Хозяйство“ № 10 за 1925 г.

синдикатов и трестов, возрастающее влияние государства в экономической жизни, все большая стандартизация, массовидность и унификация потребления, рост информации о хозяйственных явлениях и пр., — все это смягчает колебания конъюнктурного цикла.

Но капитализм без конъюнктурного цикла — уже не капитализм, а зародыш какой-то новой хозяйственной системы. Зомбарт этого и не отрицает, наоборот, он ставит себе основной задачей — доказать, как при помощи таких диалектических изменений капитализм постепенно превращается в какую-то новую хозяйственную систему. Под его ловкими руками исчезает основное содержание Марксовской теории капиталистических превращений, нарастание противоречий, которые путем взрыва ликвидируют капиталистическую систему. Зомбарт, как и Маркс, исходит из идеи самоликвидации капитализма. Но в его представлении капитализм ликвидирует себя постепенно, в результате медленного, но неуклонного ослабления, а не нарастания противоречий. По Зомбарту, капитализм не взрывается, а засыпает, постепенно дряхлеет, ткани его постепенно перерождаются и заменяются новой тканью общественного „бюрократизированного“ хозяйства. Одним словом, старая теория „врастания“.

Но признав наличие „седых волос“ в капиталистической системе, констатируя смену Hochkapitalismus довоенной эпохи послевоенным „Sprätkapitalismus“, который обнаруживает все черты старческого вырождения, Зомбарт тут же спохватывается: ему жалко расставаться с экономической системой, исследованию которой он посвятил почти четыре десятка лет. Неужели конец? „Нет, весь я не умру“ — отвечает Зомбарт от имени умирающего капитализма. Ни одна хозяйственная система не исчезает бесследно, утверждает Зомбарт. Он считает, что ликвидация класса капиталистов не будет иметь большого значения в смысле поднятия зарплаты рабочих, так как их личное потребление составляет ничтожную долю всего общественного потребления. Расчеты его по этому вопросу лишены всякой убедительности.

Теория сохранения всех хозяйственных укладов не нова, фактически она не соответствует даже фактам современности. В развитых капиталистических странах мы не видим ни форм первобытного коммунизма, ни феодальных отношений, ни патриархальщины. Они сохранились еще именно там, где капитализм делает лишь первые шаги. Что касается мелкотоварного производства, то оно существует еще повсюду, но формы и условия его существования при капитализме совершенно не те, которые существовали, например, в средние века. Сам Зомбарт уделяет очень много внимания вопросу о положении крестьянства в условиях капитализма. Он констатирует повсеместный и прогрессирующий рост эксплуатации крестьянства капиталом — явление, которого не знало натуральное крестьянское хозяйство средневековья. Следовательно, общественные отношения, в которые вплетено современное крестьянское хозяйство, совершенно иные, как бы ни хотелось Зомбарту представить дело так, что законы Маркса неприменимы к деревне, в которой якобы сохраняется полная неподвижность форм.

В центре движущих сил капиталистического общества Зомбарт ставит личность капиталиста. Предприниматель, как таковой, со всеми характерными чертами этого человеческого типа, созданными в результате сочетания и пересечения исторических тенденций, — вот истинный творец и двигатель капиталистической экономики. Личность организатора хозяйства витает над хозяйством и определяет его направление и темп. Все остальное есть только предпосылки и условия, но не движущие силы развития.

К числу решающих материальных предпосылок, обусловивших небывалый рост производительных сил человечества в XIX — XX вв., Зомбарт относит в первую голову современную научную рационалистическую технику, которая пришла на смену традиционной технике прошлых веков.

Приложение физики и химии к технологии, регулярность, правильность, бесперебойность производственного процесса стали возможны в невиданных раньше размерах.

Материально-технические причины вызвали и изменения общественных условий хозяйства. Капитализм получил способность к внезапным расширениям производства, которое раньше стеснялось ограниченностью органических материалов. Это кладет начало новейшему типу конъюнктурных циклов, вызываемых периодическими толчками, периодической экспансией, обуславливающей периодические кризисы капитала, тогда как в предыдущую эпоху конъюнктурные циклы обуславливались обыкновенными кризисами сбыта.

Другая основная предпосылка капиталистической экспансии — кредит. В области теории кредита Зомбарт придерживается так называемой динамической точки зрения, согласно которой кредит не только способствует превращению потенциального капитала в активный путем мобилизации сбережений, концентрации высвобождающихся денежных сумм и т. д., но обладает и творческой ролью: он творит капитал „из ничего“, создавая новую покупательную силу, которая, будучи предоставлена в распоряжение предпринимателей, дает возможность активизации запасных, резервных производительных сил общества. Кредит не только перераспределяет наличные производительные силы в сторону отраслей, производящих средства производств, но и вовлекает добавочные ресурсы в производство. В этом вопросе Зомбарт примыкает к взглядам Мак-Леода и Гана, отличаясь от них, однако, в одном существенном пункте: он утверждает неразрывную связь кредита с золотом. Попутно с этим Зомбарт развивает свои взгляды на сущность сбережения, которое, по его мнению, есть только известная форма перераспределения производительного фонда общества в сторону производительных рабочих. Здесь он делает попытку реабилитировать старую теорию классиков, опровергнутую Марксом.

Но кроме мертвых материальных ресурсов и кредитной системы, капитализм для своей экспансии нуждается в рабочей силе. XIX век дал небывалый во всей истории человечества прирост народонаселения.

Кроме того, в распоряжении капитализма были предоставлены богатейшие человеческие ресурсы, которые он также хищнически использовал, как и ископаемые ресурсы земных недр, в рабской, полурабской или „свободной“ форме наемного труда; наконец, высвобождение рабочей силы из сферы домашнего, мелкого ремесленного, крестьянского хозяйства, — все это обеспечило капитализм нервами и мускулами в такой степени, что, несмотря на колоссальный спрос на рабочую силу, он смог удержать зарплату в границах, не угрожавших интересам его накопления.

Любопытны взгляды Зомбарта по вопросу об эксплуатации наемного труда и о классовых взаимоотношениях. Он считает простой тавтологией ту мысль, что прибавочная стоимость есть результат избыточного труда рабочих. Но в то же время он оспаривает положение, что рабочие не получают полной стоимости продукта своего труда. В пользу последнего утверждения он выдвигает вульгарнейший довод, что продукт создается не только трудом, но и другими факторами производства.

Классовую борьбу рабочих Зомбарт считает не только не минусом, но плюсом для капитализма (за исключением, разумеется, тех „случаев“, когда эта борьба переходит в революцию). С одной стороны, повышенная требовательность рабочих заставляет капиталистов налегать на рационализацию производства. С другой стороны, рост организованности рабочих, применение системы коллективных договоров и пр. ведут к тому, что договоры найма приобретают все более устойчивый, стандартизованный характер, облегчающий коммерческие расчеты, а растущая касса профсоюзов служит лучшей гарантией от стачек и забастовок. Одним словом, все к лучшему в сем лучшем из миров.

Проблему рынка и реализации прибавочной стоимости Зомбарт считает теоретически не существующей для капитализма. В общем он стоит здесь на точке зрения „оптимистов“, которые считали, что капитализм сам себе создает рынок. „Сколько производится, столько и спрашивается“. При этом он оспаривает взгляд Маркса, что из ежегодно накапливаемой доли прибавочной стоимости все меньшая часть идет на содержание рабочих, поскольку постоянно возрастает доля, идущая на производство средств производства. Зомбарт считает, что увеличение последней есть только перераспределение фонда между рабочими в сторону занятых в тяжелой индустрии, ибо увеличение „С“ (постоянного капитала) есть не что иное, как увеличение живого труда, занятого в выработке орудий. Таким образом, накопление прибавочной стоимости вовсе не ведет к относительному сокращению рабочего спроса. Затруднения сбыта, по Зомбарту, могут проистекать не из накопления, а наоборот, из недостаточного накопления, если вырученные деньги просто тезаврируются или поступают в фонд спекулятивных операций.

Возражения Зомбарта против марксистской теории часто основано на нарочитом извращении взглядов Маркса (например, в вопросах концентрации). В других случаях они основаны на грубейшем игнорировании живой деятельности (например, в „теории“ о постепенной стабилизации конъюнктуры, смягчения кризисов и т. д., столь гармонирующей хотя бы с послевоенной эпохой). Зомбартская теория накопления и сбережения также не прибавляет новых аргументов к тем, которые до него были выдвинуты вульгарной экономией против Маркса. В некоторых вопросах Зомбарт, однако, действительно ставит новые проблемы. Так обстоит дело в частности с теорией народонаселения.

Много метких замечаний у Зомбарта по вопросу о структуре современного рынка, о характере потребления, о формах и тенденциях торговли. Основными тенденциями капитализма Зомбарт считает прежде всего тенденцию к единообразию форм потребления. Он считает важным психологическое стремление уподобиться во всем массе — „погрузиться в массу“ исчезнуть в ней, укрыться, лишь бы „не странствовать в жизни в вечном одиночестве“, — характерное для современного жителя больших городов.

Другая черта современного потребления — интенсивность и разнообразие потребления. Оно вытекает из ускоренного темпа жизни. „Гете сидел за обедом 3 часа, современный конторщик 10 минут“. В одинаковое время современный человек успевает удовлетворить во много раз больше потребностей, чем его предок. В ту же сторону действует развитие транспорта. „Дама, пользуясь мотором, успевает сыграть партию в теннис, выпить чаю, прослушать доклад в то самое время, которого ей прежде едва хватило бы на свидание“. Из того же корня вырастает частая смена вкусов, калейдоскоп моды.

Господство суррогатов в современном потреблении вытекает как из слабой привязанности человека к вещам, так и из того, что сурро-

гаты — наиболее естественный продукт капиталистического производства; в подавляющем большинстве случаев они являются результатом замены органических материалов неорганическими.

Какие тенденции вызывает эта эволюция потребления в структуре торгового аппарата? Прежде всего, удельный вес населения, занятого в торговле, обнаруживает стремление к росту.

Зомбарт отмечает колоссальную роль рекламы в современной торговле, но вместе с тем указывает на ряд явлений, которые постепенно подрывают основы рекламного дела. „Там, где все стараются перекричать друг друга, никого не слышно“. Реклама сама себя съедает.

Универсализм современных магазинов оказывается неспособным удовлетворять дифференцированному вкусу. А с другой стороны, первоначальный экономический эффект от соединения многих торговых отраслей сменяется увеличением накладных расходов в результате чрезмерного организационного расширения.

Мы отметили только немного из того богатства живых наблюдений, которые рассыпаны по этим вопросам в разных местах книги.

Далеко не во всем, конечно, Зомбарт оригинален. Пожалуй, наоборот, в последнем томе его труда мы встречаем гораздо больше заимствований из более или менее известных монографий, больше материала и обобщений из вторых рук, чем в первых двух томах, где он действительно прокладывал новые пути в первобытном лесу неисследованных фактов раннего капитализма. Значение II тома не в материале, как таковом, а в его подборе и компановке, не в теоретическом анализе, где Зомбарт слаб, но в мастерски выпуклом изображении фактов, процессов и тенденций.

Книга Зомбарта — антисоциалистическая, антимарксистская книга. Если бы мы задались здесь целью ее критического разбора, то для этого потребовался бы ряд статей. Мы полагаем, что в нашей литературе ей будет уделено с этой стороны достаточно внимания, тем более, что она скоро появится в русском переводе. Мы же имеем в виду только обратить на нее внимание, как на умную и умелую апологию современного капитализма со стороны виднейшего идеолога его.

А. Светлов

М. Батуев. Мировые источники сырья. 1928. ГИЗ, стр. 148. Ц. 1 руб. 25 коп.

Несмотря на ряд достижений в области синтетической добычи сырья, проблема его естественных источников еще надолго останется одной из центральных проблем мирового хозяйства. Еще долго „мирная“ борьба за нефть, каучук, хлопок, уголь и различные металлы будет являться поводом для военных столкновений капиталистических конкурентов.

Серьезное место занимает сырьевая проблема и в экономике СССР. Мы вынуждены выступать на мировом рынке как сравнительно крупный импортер сырья. С другой стороны, мы выступаем на мировом рынке как крупные экспортеры и обладатели богатейших потенциальных запасов важнейших видов сырья. Все это ставит перед нами острейшую потребность внимательного изучения теоретических и конкретных проблем сырья.

Книга Батуева имеет одну несомненную ценность: автор дает неплохое описание основных сырьевых источников мирового хозяйства, показывает борьбу за эти источники и пытается, правда не всегда удачно, наметить перспективы этой борьбы.

Зато значительно хуже обстоит дело у Батуева, когда он пытается теоретизировать — обобщать то статистическое „сырье“, которое он довольно обильно приводит в описательной части своей книги.

Остановимся прежде всего на „общей характеристике сырьевой проблемы мирового капитализма“, где Батуев пытается сделать теоретический анализ роли сырья в мировом хозяйстве.

Проблема сырья выступила впервые как самостоятельная проблема в эпоху промышленной революции XVIII столетия. Паровой двигатель Уатта, прядильный станок Харгрифа, ткацкий станок Картрайта, паровоз Стефенсона и пароход Фультона поставили уже реально проблему массовой потребности промышленности в сырье и способы удовлетворения этой потребности путем привоза сырьевых продуктов из заокеанских стран.

Шерстяная промышленность Германии, опиравшаяся раньше исключительно на туземное сырье, попадает в зависимость от импорта шерсти из Австралии, Капленда и Лапаты, от ввоза красильных веществ из Индии. Хлопчатобумажная промышленность Европы оказывается связанной с хлопковыми плантациями в Соединенных Штатах, в Египте, Ост-Индии. Перу, Бразилии и некоторых районах центральной Африки.

С ростом производительных сил, в частности машинного производства, проблема сырья становится все актуальнее, меняя в то же время номенклатуру „здободневных“ товаров.

Если эпоха промышленной революции ставит на место сельскохозяйственного сырья уголь и железо, то последующие фазы капиталистического развития выдвигают на передний план нефть, каучук, цветные металлы и т. д.

Происходит „общественное“ (Маркс) разделение труда в международном масштабе, выражающееся в дифференциации мировых стран на „город“ и „деревню“.

Мировые деревни становятся сырьевым „гинтерландом“ промышленных городов мира.

Характерным для монополистического капитализма является экспорт капитала, о котором Батуев даже не упоминает в своих теоретических размышлениях. А между тем, невозможно понять ни одной проблемы современного мирового хозяйства, элиминируя вопрос об экспорте капитала.

Прав автор в том, что „захват колоний, борьба за них между главнейшими капиталистическими странами, усиление стремления последних не допустить экономической и политической самостоятельности колоний, — все это имеет в качестве одной из основных предпосылок стремление главнейших стран обеспечить себя сырьевыми ресурсами“ (стр. 5) Однако, эту правильную по существу мысль автор не развивает и, главное, не связывает с остальными своими теоретическими положениями.

Проблема сырья в эпоху монополистического капитализма сводится в основном к монопольному овладению теми или иными концернами и трестами, всеми источниками необходимого сырья.

„Основной особенностью новейшего капитализма, — пишет Ленин в „Империализме“, — является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватывают в одни руки все источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия к тому, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т. д.“

Эта перманентная борьба за все источники данного вида сырья, при чем не столько активные (уже разрабатываемые), сколько потенциальные, и отличает степень остроты капиталистических противоречий в области сырья от противоречий в области экспорта капитала и рынков сбыта.

Противоречия основных империалистических держав в области экспорта капитала глубже, органичнее, но острота этих противоречий замаскированнее, чем в борьбе за рынки сырья. Экспорт капитала происходит более „мирными“ путями проникновения, чем захват сырья.

В экспорте капитала мы можем подчас наблюдать временные блоки сотрудничества тех или иных глубоко враждебных по существу друг другу капиталистических организаций. Английские и американские банкиры, несмотря на глубокие противоречия, существующие между ними, создают временные блоки для финансирования германской промышленности по плану Дауэса или даже специальные общества, вроде последнего англо-американского общества финансирования, созданного Альфредом Мондом. Эти временные блоки ни в коей мере не означают уничтожения или смятения противоречий, это лишь своеобразное, временное „мирное“ перевоплощение и в то же время расширенное воспроизводство глубочайших противоречий.

В области же сырья мы такое сотрудничество, даже временное, встречаем значительно реже. Стандарт-Ойлю и Деч-Шеллу гораздо труднее договориться о совместной эксплуатации нефтяных источников, чем Моргану и Норману (директор английского банка) о совместном финансировании.

Причина этой остроты противоречий в области сырья указана выше: борьба здесь идет за монопольное овладение сырьевыми источниками, которые, „раз попав в руки одних „национальных“ групп, пропадают для других“ (Бухарин). Этого основного, характерного в проблеме сырья — борьбы за монопольное овладение всеми источниками сырья — Батуев не видит.

Не анализирует Батуев также и роли сырья в ценнообразовании промышленных продуктов. Проблема сырья для финансового капитала является в значительной мере проблемой сырьевых цен и их отражения на норму прибыли своей промышленности.

„Стоимость сырых и вспомогательных материалов сразу и целиком входит в стоимость продукта, на изготовление которого они потребляются, в то время как стоимость элементов основного капитала переходит на продукт лишь по мере снашивания, следовательно, лишь постепенно. Отсюда следует, что цена продукта гораздо в большей степени затрагивается ценой сырого материала, чем ценой основного капитала... При прочих равных условиях норма прибыли повышается или понижается, как мы видим, в направлении обратном по сравнению с движением цены сырого материала“ (Маркс, „Капитал“ т. III).

Цитируя Бисмарка о роли железа и угля, Батуев перепевает известную концепцию империализма Павловича, не упоминая о последнем ни слова.

Мы не будем останавливаться на остальных мелких ляпсусах и неточностях в теоретической части и перейдем к конкретной части, в которой найдем более интересный материал.

В конкретной части Батуев дает характеристику сырьевых источников, металлургической и металлообрабатывающей промышленности, текстильной и т. д. Заканчивает автор описательную часть анализом продовольственной проблемы мирового капитализма. Особенно подробно Батуев останавливается на анализе взаимоотношений угля и нефти и

тех теоретических споров, которые ведутся вокруг вопросов, кому принадлежит будущее — нефти или углю. Тут Батуев в общем правильно ставит вопрос, что современный кризис угольной промышленности не означает того, что уголь, как источник энергетического хозяйства, окончательно сошел со сцены, уступив место нефти. Будущее принадлежит жидкому топливу, синтетически добываемому из угля.

Сравнительно мало автор обращает внимания на такие цветные металлы, как алюминий, который приобретает большое значение в наше время, особенно в связи с военной опасностью. Мало автор останавливается на синтетическом сырье, которому предстоит в будущем сыграть большую роль и над которым сейчас так усиленно работают ученые капиталистических стран и отдельные тресты.

Покуда синтетическое сырье не вышло из недр лаборатории, но в тот момент, когда наука добьется возможности массового применения синтетического сырья, проблема сырья вообще предстанет перед миром в совершенно новом свете.

Д. М. Бухарцев

А. Ф. Притула. Нефтепроводы Соед. Штатов, их сооружение и эксплуатация. Изд. Совета нефт. пром., 1927 г., стр. 267, ц. 6 руб.

Советские нефтетресты — Азнефть и Грознефть — ведут энергичные работы по сооружению нефтепроводов к Черному морю, рассчитанных на массовый экспорт советских нефтепродуктов. Дело это для нас, можно сказать, совершенно новое, так как до сих пор наша нефтяная промышленность знала лишь укладку нефтепроводов на сравнительно небольшие расстояния, преимущественно в рамках нефтяных районов; но технические основания и условия прокладки в этих случаях, так же как и в деле прокладки старого керосинопровода Баку — Батум, весьма существенно отличаются от современного крупного нефтепроводного строительства. Поэтому следует признать появление книги А. Ф. Притулы своевременным, учитывая руководящую роль Соед. Штатов в нефтяной технике. Труд А. Ф. Притулы является достаточно солидным. Автором использована богатая американская литература по нефтепроводному вопросу и нефтепроводной практике, и в результате данная книга может послужить в качестве ценного справочника по данному вопросу.

В частности, большой интерес представляет гл. IV — „Расчет нефтепроводов“, так как эта область, как правильно отмечает автор, только в последнее время получила достаточно разработанную теоретическую базу. Однако, упоминая бегло об этих теоретических предпосылках и приводя затем ряд весьма полезных, без сомнения, эмпирических формул и практических таблиц, автор не указывает достаточно ясно связи между первыми и последними. Имеются и прямые неясности: напр., приводя теоретическую формулу для определения „коэффициента трения“ при параллельно-струйном движении (стр. 53), автор на следующей странице предлагает определенную отсюда величину подставлять в формулу турбулентного движения, имеющего в действительности иное сопротивление движению. Другой пример: на стр. 68 предлагается на графике, служащем для расчета нефтепроводов, наносить „линию вязкости“ и „линию температур“ в „одних и тех же масштабных единицах“, между тем как понятно, что различные по природе физические величины не могут иметь одинакового масштаба. Пробелом, на наш взгляд, является отсутствие в этой главе основных теорем гидравлики: они были бы здесь весьма уместны. Кроме того, число примеров расчета следовало бы увеличить

и разнообразить по условиям, и лучше было бы проделать это в метрических мерах.

Наиболее полезными представляются главы об устройстве и оборудовании насосных станций и об организации строительства, а равно о технических приемах укладки и соединения труб и защиты их от раз'едания. Здесь можно найти много полезных указаний, подчас „мелочей“ с теоретической точки зрения, но таких, игнорирование которых может вести к большим убыткам. Однако, мы не нашли здесь указаний на технические методы „герметизированной“ перекачки, без резервуаров на промежуточных станциях, „из насоса в насос“, по выражению Азнефти (см. изд. Азнефти „Нефтепровод Баку — Батум“, 1927 г.), предполагающей применить такой способ для своего нефтепровода в целях уменьшения потерь наиболее ценных фракций нефти при ее перекачке. Было бы весьма полезно получить технические иллюстрации этого приема, если он применим в американской практике (у А. Ф. Притулы имеется только ссылка на применение резервуаров небольшой емкости), тем более, что Азнефтью эта задача, по выражению той же книги, „безусловно решена“; однако, такие заверения, до их опытной проверки, должны бы делаться с большей осторожностью.

Книга, между прочим, отмечает широкую механизацию в Америке различных работ при сооружении нефтепроводов (рытье траншей, свинчивание труб, их очистка, укладка и др.), неизвестную в нашей практике. К сожалению, автор не пускается в исследование вопроса об экономической применимости и выгоды введения аналогичных приемов в наших условиях.

Глава X излагает затруднения при перекачке вязких нефтей и способы борьбы с ними. Надо напомнить, что при большой вязкости грозненских нефтей в холодное время года грозненский нефтепровод должен будет столкнуться в свою очередь с подобными затруднениями. Вытекающие отсюда трудности и невыгоды, смягчавшиеся многими в период „борьбы за нефтепроводы“, могут отразиться на экономической стороне эксплуатации нефтепровода и, что серьезнее, грозят в той или иной степени подчинять режим всего нефтепроводного и Туапсинского заводского хозяйства климатическим и сезонным условиям.

Глава XI о стоимости сооружения и эксплуатации нефтепроводов сравнительно бледна, особенно в отношении данных о стоимости эксплуатации, что было бы сейчас для нас весьма интересным.

Надо особо упомянуть и о первой главе — „значение нефтепроводов в экономике Соед. Штатов и нефтяной промышленности“. Эта тема сама по себе весьма обширна и интересна, так как нефтепроводы сыграли исключительную роль в условиях распределения дохода между капиталистическими группами, в образовании мировых нефтяных монополий, в экспроприации ими промышленной прибыли от производителей и ренты — от собственников недр, а также в деле сложившегося районирования нефтеперерабатывающей промышленности и во многих особенностях, отличающих в этом последнем отношении нефтепромышленность разных стран. Было бы интересно провести параллель между ролью нефтепроводов в нефтяной экономике С.-А.С.Ш. и СССР, чтобы показать именно не столько аналогю, сколько различие обеих стран в этом отношении. С этих точек зрения рецензируемая книга далеко не исчерпывает темы об экономической роли нефтепроводов: но, разумеется, автор и не ставил себе такой задачи, имея, повидимому, целью лишь дать вводную главу к своему, преимущественно, техническому труду. Но все-таки и эта глава дает некоторый материал для понимания крупного общественного значения нефтепроводов в Америке, помимо их чисто-транспорт-

ной роли, — в частности и как способа укрепления монополий и господства их над разрозненными производителями. Эта глава выиграла бы, если бы к ней приложена была географическая карта с нанесением нефтедобывающих районов и нефтепроводной сети С.-А. С. Ш.

Книга, в общем, дает большой технический, преимущественно описательный и справочный, материал, каковой должен быть учтен и использован в советском нефтяном капитальном строительстве, — разумеется, с учетом и всех наших естественных и экономических особенностей.

А. С — ль

НОВЫЕ КНИГИ

Р. Е. Вайсберг. Проблемы пятилетнего перспективного плана. ГИЗ, 1928, стр. 167, цена 75 коп.

Работа т. Вайсберга характеризует основные экономические проблемы в области пятилетнего перспективного планирования. Подходя к пятилетнему плану, как к составной части всей системы планирования, автор освещает проблемы „пятилетки“ в связи с другими формами планирования (генеральный план, пятилетний, контрольные цифры, конъюнктурные наблюдения). В книге использованы новейшие материалы.

А. Леонтьев. Социалистическое строительство и его критика. ГИЗ, 1928, стр. 234, цена 90 коп.

Работа А. Леонтьева посвящена характеристике буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в вопросах хозяйственного строительства СССР. Автор дает анализ темпа и направления хозяйственного развития Союза, в частности, путей развития советской деревни. Конечным выводом этого анализа является обоснование социалистического, а не капиталистического (как это утверждают буржуазные критики) характера хозяйственного строительства СССР.

Промышленный экспорт. Итоги и перспективы. (Иностранный Отдел ВСНХ СССР). ГИЗ, 1928, стр. 230, цена 1 р.

Целью настоящей книги является выявление возможностей расширения промышленного экспорта СССР на основе конкретного материала проработанного Иностранным Отделом ВСНХ Союза. В книжке охвачены почти все крупные статьи промэкспорта, при чем в отношении всей экспортной номенклатуры приводится перечень конкретных мероприятий, обеспечивающих намечаемое расширение.

Д. Шапиро. Кустарная промышленность и народное хозяйство СССР. ГИЗ, 1928, стр. 108, цена 60 коп.

Брошюра Д. Шапиро является опытом характеристики современного состояния кустарной промышленности СССР и вместе с тем комментированным собранием постановлений партии и правительства о кустарной промышленности и промысловой кооперации.

Синдикаты СССР в цифрах и диаграммах за пять лет. (1923/24 — 1927/28). Изд. Всесоюзного Совета Синдикатов. Москва, 1928, стр. 111, цена не указана.

Настоящий сборник цифровых и графических материалов иллюстрирует основные этапы развертывания государственной промышленности за указанное выше пятилетие в области ее торговых функций. Проработанный на основе единой методологии, сборник освещает динамику роста всей синдикальской системы СССР в целом.

В. В. Оболенский (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и в СССР. Изд. ЦСУ СССР, Москва, 1928, стр. 137, цена 2 руб.

Работа т. Осинского является частью коллективного труда, издаваемого американским статистиком В. Вильконом и посвященного итогам международной и межконтинентальной миграции в XIX и начале XX века. Работа освещает проблему миграции в довоенной России и СССР, при чем наряду с общими статистическими иллюстрациями российской эмиграции и иммиграции в целом и по национальным группам, автор останавливается на выявлении характера и социальных причин эмиграции: финской, польской, литовской, еврейской, русской и т. д.

Н. Д. Кондратьев и Д. И. Опарин. Большие циклы конъюнктуры. Рационал. Институт экономики. Москва, 1928, стр. 287, цена 2 р. 50 к.

Настоящая книга составлена из докладов обоих авторов в Институте экономики Рационала и принята по ним, посвященным вопросам конъюнктуры. Книга открывается докладом проф. Кондратьева — „Большие циклы экономической конъюнктуры“, затем следует содоклад Д. И. Опарина — „Критический анализ „больших циклов конъюнктуры“ проф. Кондратьева и объяснение длительных колебаний некоторых экономических элементов“ и выступления участников прений. В качестве приложения в книге приведен цифровой иллюстративный материал.

Г. С. Гордеев. Обезземеление американского фермера. Процессы дифференциации. Изд. „Новый агроном“. М. 1928, стр. 242, цена 2 р. 90 к.

Основная задача работы Гордеева — анализ процессов концентрации и дифференциации американского фермерства. Этому анализу предшествует первая часть, являющаяся очерком развития капиталистического сельского хозяйства и земельной политики в С.Ш. Характеристике же процессов обезземеливания посвящены вторая и третья (последняя) части, охватывающие проблемы фермерства и земельных отношений в С.Ш. как до, так и после войны.

Г. Александров. Капитализм и колониальная политика. Изд. „Моск. Рабочий“. М. 1928, стр. 151, цена 1 р. 50 коп.

Книжка Г. Александрова является очерком, рисующим этапы развития и роста колониальной политики капитализма на протяжении ряда столетий, вплоть до наших дней. Характеризуя движущие силы колониальной политики, автор на ряде исторических примеров иллюстрирует деятельность капитализма в колониях и нарастающую борьбу колониальных народов с колонизаторами.

Р. Зонтер. Новый немецкий империализм. Предисловие А. Тальгеймера. Изд. „Прибой“. 1928, стр. 161, цена 1 р. 50 к.

Задача книги Р. Зонтера — осветить сущность и основные тенденции современного германского империализма на основе политико-экономических факторов послереволюционного периода. Определив экономический базис нового германского империализма, его отражение в политике капиталистической Германии и его социально-классовую опору (роль II Интернационала, германской социал-демократии и т. д.), автор дает характеристику порождаемых империализмом экономических и политических коллизий.

МЕСТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Магнитогорский металлургический завод. Техно-экономический очерк. Материалы к пятилетнему плану хозяйству Урала. Изд. Уралплана. Свердловск. 1928. Стр. 96 + 3 карты, цена 1 р. 50 к.

Настоящий коллективный очерк, составленный работниками Уралплана, имеет в виду детальное техническое и экономическое исследование проблем сооружения Магнитогорского завода. Экономическая часть очерка включает материалы, выявляющие общие предпосылки сооружения завода, возможности и стоимость подвоза к нему кузнецкого угля и характерные особенности горы Магнитной, как наиболее благоприятного района для развития минеральной плавки. Техническая часть касается месторождений железных руд, проекта их эксплуатации, проекта сооружения самого завода и т. д.

А. Д. Ратнер и В. П. Ренке. Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна. Изд. Донугля. Харьков, 1928, стр. (больш. формата) 34 + 76 таблиц, цена 3 руб.

Цель этой работы — выявить на основании имеющихся материалов тенденции развития современной каменноугольной и антрацитовой промышленности Донбасса и дать сравнение по ряду основных производственно-экономических показателей Донецкого бассейна с работой иностранных угольных бассейнов (Германии, Англии, Соед. Штатов). Приведенные в конце книги статистические таблицы дифференцируют данные по каждому отдельному району и по отдельным шахтам Донбасса.

Сырьевые ресурсы Средней Азии. Вып. 1-й — Овцеводство (стр. 172, цена 85 к.), вып. 2-й — Садоводство (стр. 81, цена 50 к.). Изд. Ср. Аз. Экоси Ср. Аз. конторы Акц. Об-ва „Шерсть“, Ташкент, 1928.

Оба выпуска являются результатом работы, предпринятой Комиссией Средне-Азиатской Экоси по изучению сырьевых проблем. Вопросы садоводства и овцеводства, как крупнейших отраслей в экономике Средней Азии по современному своему состоянию и по будущим перспективам, проработаны в первую очередь.

Вопросы экономического районирования применительно к Волжско-Камскому краю. Изд. Госплана Татареспублики, Казань, 1928, стр. 80 + 4 карты, цена 80 коп.

К организации Нижегородской Области. Изд. нижегородского губисполкома Н.-Новгород, 1928, стр. 71 + 2 картограммы.

Обе брошюры представляют собой методологическое и экономическое обоснование проектов образования двух новых областей, в связи с происходящим в настоящее время районированием РСФСР. Содержанием первой является записка проекта организации Волжско-Камского края с центром в Казани, во второй обосновывается проект Нижегородской Области, как самостоятельной экономической области. Обе книжки содержат всестороннюю характеристику экономики проектируемых районов.